

Castrén A. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. Samojedisch-Deutsch / Deutsch-Samojedisch. Rosenkilde und Bagger. Internationale Buchhandlung und Verlag. Kopenhagen, 1974 (переиздано с изд.: СПб., 1855).

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Dictionary of Khotan Saka by H. W. Bailey. Cambridge ; London ; New York ; Melbourne, 1979.

Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-dialekt. Bloomington. Hague, 1970.

Haltod M. Mongolische Ortsnamen. Wiesbaden, 1966.

Nebenzahl K. Mapping the Silk Road and Beyond. 2,000 Years of Exploring the East. New York, 2005.

Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Words beginning with H. Berlin ; New York, 1991. Vol. 3.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1969.

Sogdian Dictionary. Sogdian — Persian — English Dictionary by B. Gharib. Farhangan Publications. 1995.

The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages / ed. by R. D. Woodard. Cambridge UP, 2004.

Turner R. L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966.

Werner H. Vergleichendes Wörterbuch des Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 2002. Bd. 3 : Onomastik.

И. И. Муллонен

Петрозаводск

География на службе топонимики: две прибалтийско-финские топоосновы с «боковой» семантикой

В заголовок статьи вынесено перефразированное название хорошо известного исследователям топонимики сборника «Топонимика на службе географии», вышедшего в серии «Вопросы географии» в 1979 г. В статье обращается внимание на востребованность ландшафтно-географических сведений об объекте в топонимичес-

ких исследованиях. Как топонимика может служить вспомогательной дисциплиной для географических исследований, так и географические сведения оказываются исключительно ценными для топонимических исследований, в частности, этимологических изысканий. К рассмотрению предложены две прибалтийско-финские топоосновы, в содержание которых вынесена идея бокового расположения географического объекта. Материалом для статьи послужила создающаяся в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН геоинформационная система «Топонимия Карелии», связывающая базу данных топонимии Карелии и сопредельных областей с топографической картографической основой и позволяющая, в частности, проследить взаимное расположение географических объектов.

В ареале современного и исторического вепсского расселения неоднократно фиксируется озерное название *Lapjärv, Lap'arv, Ланозеро*. Оно свойственно небольшим лесным озерам, характерной особенностью которых является расположение на берегу, сбоку от более крупного озера. Модель особенно популярна в басс. р. Оять. Так, на территории бывшей Шапшинской волости известно сразу три озера с названием *Ланозеро*, примыкающих к более крупным озерам Мульевскому, Виозеру и Пелдозеру. Исходя из этой характерной особенности местоположения, в топооснове следует видеть вепсскую лексему **lapt* 'край, бок, сторона', которая в современных говорах представлена наречиями: *laptaha* 'в сторону', *laptali, laptaiči* 'стороной', *laptas* 'в стороне', *laptati* 'рядом'. Производящая основа *lapt* этимологически входит в один ряд с карел. *lappie* и фин. *lappea* [SSA, 2, 48], которые позволяют реконструировать исходный для прибалтийско-финских языков вид **lappeda* и тем самым проясняют происхождение вепс. *lapt* как результат характерной для вепсского языка редукции гласного второго слога в случае, если первый слог долгий или закрытый [см.: Tunkelo, 1946]: **lappeda* > *lapt*. При этом процесс выпадения гласного сопровождался оглушением конечного согласного под влиянием соседнего глухого *p*. В ряде топонимных примеров редукция гласного отсутствует: *Ланатозеро* в верховьях р. Колода, маленькое *Ланатозеро*

на берегу Кудомозера в южном Обонежье, оз. *Ланоть* (с вариантом *Ланозеро*) у оз. Палежда в южном Присвирье, а также, возможно, руч. *Ланать* в басс. верхней Шексны. Впрочем, нельзя исключать и вторичного наращивания гласного, имеющего в ряде случаев народно-этимологические истоки. В большинстве примеров на стыке элементов сложного топонима произошло упрощение фонетического облика топоосновы: **Laptjärv* > *Lapjärv* > *Ланозеро*.

Ареал модели охватывает южное Присвирье, южное и юго-восточное Обонежье и может, таким образом, квалифицироваться как вепсский, хотя и не покрывает всю вепсскую территорию. С точки зрения этнической истории и географии расселения наиболее интересны фиксации в юго-восточном Обонежье, в том числе *Ланамозеро* и *Ланозеро* в басс. р. Колода, оз. *Ланоть* в Салмозере, доказывающие вепсское прошлое этой русской территории.

На окраинах ареала зафиксировано несколько топонимов — названий островов: в юго-западном Присвирье остров на краю бол. Иمولовское *Ланисарь* (*sař* 'остров'), на нижней Кеме в северном Белозерье бол. *Ланцарское* (< **Lapsař*), о-в *Ланостров* в окрестностях д. Усть-Яндомы на юге Заонежского полуострова, являющийся крайним в череде островов, расположенных в окрестностях поселения. Появление *Ланострова* в южном Заонежье может быть отражением устойчивых связей данной территории с вепсским Прионежьем, характерным для относительно позднего времени. Видимо, в этом же ряду следует рассматривать название небольшого островка *Lappusuari* у восточного берега оз. Сямозеро, на Онежско-Ладожском перешейке, на восточной границе карельского ливвиковского ареала.

На фоне устойчивого присутствия топонимической модели на современной и смежной исторической вепсской территории обращает на себя внимание практически полное ее отсутствие в карельском языковом ареале и довольно слабое представительство на финской территории. Следует ли ее признать в этом контексте дифференцирующей вепсской моделью для называния небольших по размеру озер и островов, характеризующихся боковым расположением по отношению к объекту, выступающему точкой отсче-

та — более крупному озеру, острову, а также побережью озера или болота?

Для ответа на вопрос надо иметь в виду, что основа *Лан-* довольно хорошо известна и в топонимии западных районов Русского Севера. Среди примеров: оз. *Лопотное*, представляющее собой большой залив оз. Островистого в басс. р. Пежмы, оз. *Ланозеро* и вытекающий из него *Ланручей* — боковые по отношению к р. Маложме на Онежском полуострове. Боковое расположение по отношению к более крупному объекту свойственно о-ву *Ланасть* на оз. Лозско-Азатском, маленькому оз. *Залапач*, прилегающему к оз. Наумовскому (название озера восходит, возможно, к наименованию залива *Ланацкая бухля* на оз. Наумовском), о-ву *Лановец* на Чарондском болоте, а также о-ву *Ланоть* на оз. Сиверском и др. (все в пределах западных районов Вологодской обл.). Отличительная черта топоосновы на Русском Севере — присутствие ее в названиях небольших рек, при этом характеризующихся одинаковой особенностью: в месте их впадения материнская река образует крутое колено, поворот. Таковы в вологодской топонимии р. *Лана* или *Лановка*, впадающая в р. Пустая (басс. оз. Воже), руч. *Ланач* (вар. *Лопач*), в месте впадения которого р. Мотима круто поворачивает на север, р. *Ланать* (вар. *Ланач*), правый приток р. Юмпаш, р. *Лановка*, приток р. Стрелица и др. На территории Русского Севера многие десятки топонимов с основой *Лан-*. Даже при том, что среди них могут быть топонимы, лишь случайно совпавшие в звучании с прибалтийско-финской основой *Лан-*, географическая характеристика многих объектов убедительно подтверждает прибалтийско-финскую этимологию 'край, бок, сторона'. Симптоматично, что среди названий рек практически полностью отсутствуют такие, в которых топооснова *Лан-* оформлялась бы традиционным для топонимии Русского Севера гидроформантом, что, видимо, увязывается с возрастом и языковыми истоками гидронимов. Поскольку основа характерна для наименований небольших по размеру объектов, которые функционируют к тому же нередко на уровне микротопонимии, она не может иметь очень глубоких корней. С учетом же того, что этимон, судя по данным современных этимологических

источников [например, SSA, 2, 48], не имеет соответствий за пределами прибалтийско-финского языкового сообщества, его топонимическое бытование на Русском Севере следует связывать именно с прибалтийско-финскими языками, прежде всего, вепским, в котором модель востребована.

Отсутствие четких следов топоосновы в карельской и финской топонимии указывает на возможность ее вепских истоков в субстратной топонимии на Русском Севере. Такой вывод вполне естествен для топонимии западных районов Вологодской обл. с бесспорным вепским субстратом. Однако для топонимии Онежского полуострова и других районов северной части Архангельской обл. вепский субстрат проблематичен, в то время как карельский не вызывает сомнений.

В контексте той ареальной ситуации, которая описана выше, есть смысл вновь обратиться к карельской топонимии и пересмотреть этимологию некоторых наименований с основой *Lan-*, традиционно связываемых с этнонимом *lappi* 'лопарь, лопарский'. Если внимательнее приглядеться к объектам, в названиях которых присутствует данная основа, то окажется, что это, как правило, объекты очень небольших размеров, при этом располагающиеся сбоку от более крупного, значимого объекта. Показательны в этом плане многочисленные наименования островов *Lapin|soari, -suari*, которые располагаются у берега водоема или рядом с более крупным островом. Подобная ситуация характерна и для финской топонимии. На размещенном в Интернете электронном картографическом ресурсе, содержащем топографические карты по территории Финляндии [Karttapaikka] и позволяющем осуществлять привязанный к карте поиск по заданному названию, отмечено около 50 островов с названием *Lapinsaari* «Лопарский остров». Знакомство с топографическими особенностями островов, расположенных на озерах Восточной Финляндии, позволяет однозначно характеризовать их как боковые, крайние. Некоторые из них, находясь в непосредственной близости от берега, при низкой воде превращаются в мысы. Другие привязаны к мысам или более крупным островам. Приходится признать, что *Лопарскими* острова стали в результате народ-

но-этимологической интерпретации, которая была спровоцирована маргинальностью и постепенной утратой прилаг. *lappea* из финских и карельских говоров. В вепсской топосистеме вследствие отсутствия в вепсских говорах этнонима *lappi* такое переосмысление оказалось невозможным. Ареал топонимов с основой *Lappi* 'лопарь, лопарский' покрывает всю карельскую в языковом отношении территорию, однако не распространяется на вепсскую. При этом в основе многих (конечно, не всех) карельских и финских топонимов в действительности восстанавливается прилаг. *lappea*, *lappie* 'боковой'. Очевидно, в архангельской топонимии могут сохраняться его следы, не перекрытые, не увязанные носителями топонимической системы с этнонимической основой *lappi* 'лопарь'.

Вторая топооснова, актуальная в контексте данной статьи, восходит к имеющему финно-угорские истоки слову *piele* - < **pēle* 'бок, край, сторона'. Она известна исследователям топонимии, однако не получила того внимания, которого заслуживает в силу значительного представительства в топонимии прибалтийско-финского ареала и смежных областей Русского Севера. Возможно, причина кроется в том, что в современных прибалтийско-финских языках слово зачастую используется в значениях, не актуальных для названия географических объектов: ср. в прибалтийско-финских языках значения 'опора, опорный столб', 'мачта', 'косяк дверей или окна', производные *pieles* 'прясло', *pielus* 'подушка' [SSA, 2, 347–348]. Показательно в связи с этим, что оно практически полностью отсутствует в карельской и вепсской микротопонимии. Однако история языка свидетельствует со всей очевидностью, что перечисленные значения — результат развития исходного значения, связанного с выражением понятия 'бок, край, сторона', хотя в определении соответствий в других финно-угорских языках и есть некоторые вопросы, связываемые исследователями главным образом с тем, что в ходе длительного исторического развития произошло наложение и прочное переплетение трех исходных лексем: финно-угорской **peeli* 'столб' и уральских **pexli* '(наружный) край' и **pälä* 'половина; родственник, друг' [Там же]. Слово известно, в частности, в виде морд. *pel'*, *päl'*, мар. *pel*, *wel* 'сторона', также

саам. *bælle* ‘половина’, морд. *pel'e, pälä*, мар. *pele* ‘половина’, коми *pel, pev* ‘край, бок’ [SSA, 2, 347–348].

Не будучи продуктивной в современной прибалтийско-финской микротопонимии, основа обнаруживается в целом ряде гидронимов Карелии и Финляндии, что, очевидно, может быть расценено как свидетельство былой продуктивности слова в прибалтийско-финской топонимии. Гидронимы в массе своей живут дольше других разрядов топонимов и могут поэтому восходить ко времени, когда была еще актуальной первичная семантика, связанная с отражением бокового, стороннего расположения водных объектов — как правило, озер — по отношению к речному руслу. Во всяком случае именно такую семантику подтверждает географическая характеристика озер *Pielisenjärvi* (Беломорская Карелия), *P'olajärv*, *Пелозеро*, *P'oluzjärv* (в ареале вепсского расселения), *Pielavesi*, *Pielinen* (в восточной Финляндии) и др. Два последних лимнонима приводятся в опубликованном недавно словаре топонимов Финляндии «*Suomalainen paikannimikirja*», при этом «боковая» этимология строится авторами статей на карте освоения территории: крайние, боковые по отношению к традиционным древнекарельским центрам и традиционным границам [см.: *Suomalainen paikannimikirja*, 333]. На самом деле основанием номинации служит, конечно, крайнее, прилегающее к водоразделу, положение названных больших озер в озерной системе Саймаа, стекающей в Ладожское озеро.

Топооснова обнаруживает большую вариативность — как фонетическую, так и словообразовательную. В соответствии с прибалтийско-финскими фонетическими закономерностями финско-карельский дифтонг *ie* сменяется на вепсской территории кратким *e* или лабиальным *o* в позиции после палатального *p*. В русском употреблении — в русскоязычных районах Карелии и на смежной территории Русского Севера — основа выступает как *Пел-/Пил-/Пял-*, причем в ряде случаев возможна взаимозаменяемость: в Пудожье р. *Пельма* вытекает из *Пялозера*, протока *Пильма* в устье р. Кубены имеет вариант *Пельма*. В основе фонетической вариативности можно полагать особенности усвоения прибалтийско-финского (финно-угорского) оригинала русскими; причины вари-

тивности, однако, не ограничиваются только этим. Следует иметь в виду и фонетический облик, представленный в разных финно-угорских языках, поэтому название озер *Pälärvi* с русским соответствием *Пялозеро* (Карел.: Конд.), *Pälizjärvi* (Карел.: Прион.) и ряд других допустимо сопоставлять с саам. *bælle* < прасаам. **pēlē* [Lehtiranta, 100] с более широким, чем *e*, звуком, воплощавшимся в ходе прибалтийско-финского усвоения как *ä* и далее в русском как *я* [см.: Муллонен, 2002, 254–256].

Основа, в том числе и оформленная традиционными гидроформантами, широко представлена за восточными и южными пределами современной прибалтийско-финской территории [см., например: Матвеев, 2007, 118, 121]. Ниже приведены некоторые примеры гидронимов, этимология которых находит подтверждение в ландшафтно-географической характеристике объектов. Оказывается, что «боковыми» маркируются притоки, впадающие в более крупную реку на повороте последней, когда появляется необходимость отличить основную реку от ее притока. Такова р. *Пеленга*, впадающая в Сытвугу напротив большого речного колена (Арх.: Онеж.), р. *Пелега*, вытекающая из бол. *Пелецкое* и впадающая в р. Ух-важ с левого берега в месте поворота последней (Арх.: В-Т), а также р. *Пилежма*, правый приток, впадающий в р. Паденгу в верхнем течении последней (Арх.: Шенк.). Просматривается и другая ситуация, вызывающая к жизни появление «боковых» рек: в нижнем течении, непосредственно перед устьем, они текут параллельно руслу той реки, в которую впадают. Река *Пеленга* течет в нижнем течении вдоль левого берега Онеги (Арх.: Плес.), а р. *Пележма* — параллельно Солзе, вдоль ее правого берега (Арх.: Сев.-Двин.). В названиях нелинейных объектов воплощается идея расположения на краю, сбоку. Небольшое оз. *Пилозеро* (вар. *Пилосозеро*) находится у самого берега, сбоку от обширного Руйгозера (Карел.: Белом., Нюхча). Соответственно, *Пильпацкое болото* (вар. *Пильпахта*, где *-пахта* 'болото') примыкает к большому Даниловскому болоту (Влг: Баб., Ножема).

Как явствует из примеров, топооснова выступает на Русском Севере в сочетании с гидронимными формантами *-га*, *-нга*, *-жма*

и допускает соответственно широкую финно-угорскую интерпретацию. Видимо, особую группу составляют гидронимы с конечным *-ма*, в основе которых допустимо реконструировать самостоятельную лексему — суффиксальное производное от основы. Имеются в виду речные наименования *Пильма*, *Пельма*, *Пяльма*, встречающиеся неоднократно на просторах российского Северо-Запада. Среди них р. *Пяльма*, впадающая с восточного берега в Онежское озеро, р. *Пильма* (вар. *Пилемка*), впадающая в залив южного берега оз. Лача с левой стороны, в то время как обычно река впадает в конец залива. В данном случае река является боковой по отношению к заливу, что, возможно, и отразилось в ее названии. Еще показательнее протока *Пильма* (вар. *Пельма*) в дельте р. Кубены. По отношению к основному руслу она является, безусловно, боковой, что хорошо отражают карты. Такова же протока (староречье) *Пильма* на р. Сухоне выше впадения в последнюю р. Вологда. В свою очередь, бол. *Пильма* — это юго-западный край обширного бол. Шиченгского в Сямжинском р-не Вологодской обл. В этом же ряду р. *Пильма*, приток оз. Кеньгозеро, которое, в свою очередь, является боковым по отношению к вытекающей из него р. Кеньга в басс. р. Ваймуга (Арх.: Холм.). Не менее показательно оз. *Пильмасозеро*, расположенное у правого берега р. Келки, в которую стекает по короткой протоке с названием *Пильма* (Карел.: Пудож.). Ландшфтно-географическая характеристика довольно убедительно подтверждает возможность введения перечисленных топонимов в одно этимологическое гнездо с топонимами, в которых представлено приб.-фин. *pieli*. Ср. также: р. *Пельма* вытекает из оз. *Пялозера* в р. Корба (Карел.: Пудож.). Правда, судя по тому, что модель практически не реализовалась в топонимии Карелии, за исключением ее самых восточных районов, а также Финляндии, в то время как за их восточными и юго-восточными пределами воспроизводится неоднократно, надо полагать, что мы имеем дело не с прибалтийско-финскими, а родственными финно-угорскими истоками топонимической модели. Не исключено, что в гидронимах воплотился географический термин, служивший в субстратном языке (языках) Русского Севера для называния бокового расположения

объекта. Известно, что суф. *-та* в финно-угорских языках востребован как раз для образования ландшафтной терминологии [см.: Nakulinen, 1968, 111].

В топонимии Карелии обнаруживается еще одно суффиксальное производное — *Pielekkä*, последовательно выступающее в названиях островов или луд: луда *Pielekkä* или *Pielikänluoto* рядом с более крупным островом в районе с. Кестеньга (Карел.: Лоух.), о-в *Pielekkä*, рядом с которым луда *Pielekänluoto* и мыс *Pielekänniemi* (Карел.: Кем., Соностров), в восточных русских районах Карелии островок *Пелейка* (вар. *Пейлека*) около длинного узкого мыса Вега-руснаволок в Заонежье, одноименный остров известен и в окрестностях с. Сухое в Поморье. Суффиксальный элемент *-kka* используется для выражения подобия тому, что названо производящей основой, и в этой функции нередок в географических терминах: *pohjukka* (ср. *pohja* 'дно; конец залива'), *perukka* (ср. *perä* 'конец') [см.: Nakulinen, 1968, 109], *vaarakka* (ср. *vaara* 'гора'), *sopukka* (ср. *soppi* 'угол') и др. В этот ряд убедительно встраивается **pielekkä* (ср. *pieli* 'бок'). В вепсских говорах в аналогичной функции передачи сходства с тем, что выражено коренным словом, используется суф. *-č-* (*-ču-*); это заставляет внимательнее приглядеться к названиям двух небольших озер на границе Ленинградской и Вологодской областей: *P'olč* или *P'olčut* (*-ut* — диминутивный суффикс) в верховьях р. Ояти и *P'olč* в верховьях р. Колошмы. Название подчеркивает расположение на берегу, сбоку от более крупных озер. Выпадение гласной происходит в соответствии с присущим вепсским говорам явлением утраты гласных внутри слова. Этимологию подтверждает еще один оятский лимноним — *Пельчужень* — озеро, расположенное непосредственно на берегу р. Ояти в районе с. Шириничи, где река делает петлю. Будучи необычным в контексте русских топонимов низовьев Ояти, оно вполне прозрачно с позиций вепсской системы именования: основа *P'olč-* оформлена диминутивным суффиксом *-ine*, т. е. **P'olčuiine*, которое в генитиве приобретает вид *P'olčuizen*, например, **P'olčuizen|järv* (*järv* 'озеро'), отраженный рус. *Пельчужень*.

Еще один сюжет в рамках анализа гидронимов с основой **pēle* < ? **pälä* — это целая компактная группа названий боковых по

отношению к руслу реки озер с топоосновой *Палиш*- < **Palš*- и ее фонетическими вариантами на водоразделе Онежского и Белого озер: *Poušjärvi*, *Павшезеро*, *Палишезеро*, *Палишемское*, *Повшозеро*. Очевидно, к ним примыкают р. *Польшима* и оз. *Польшемское* на южном берегу оз. Воже, являющиеся боковыми по отношению к устью основного южного притока р. Молдоны, а также река и озеро *Палежма* в басс. Свири, также характеризующиеся боковым расположением по отношению к оз. Вонозеру — истоку р. Яндебы, крупного притока Свири. Мне приходилось уже писать о том, что в силу ряда обстоятельств топооснову вряд ли можно возводить к финскому и карельскому *palsi*, *palži* 'край, бок, сторона' [см.: Муллонен, 2007, 54–55]. Ее генезис должен рассматриваться, скорее, в одном ряду с основами *Pielis*-, *Pielus*-, *P'olč*-, но с учетом специфической для Белозерья огласовки гласных — появлением *a* на месте ф.-уг. (приб.-фин.) **e* [см.: Saarikivi, 2006, 26].

В статье представлены две топонимические основы из довольно обширного списка лексем с «боковой» семантикой, реализованных в прибалтийско-финской (финно-угорской) топонимии и свидетельствующих о продуктивности ситуативных названий, в том числе в гидронимии. Использование картографического материала, привязка топонимов к местности позволяет понять мотивы называния, задает вектор для этимологического поиска, особенно в случае многократной привязки топоосновы к объектам с идентичной топографической характеристикой.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2007. Ч. 3.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. Этнокультурный потенциал вепсской топонимии // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. Хельсинки, 2007. С. 39–56. (*Studia Slavica Finlandensia* ; Т. 24).

Топонимика на службе географии. М., 1979. (Вопр. географии ; вып. 110).
Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Karttapaikka [сайт]. URL: <http://kansalaisen.karttapaikka.fi/kartanhaku/paikannimihaku.html>.

Lehtiranta J. Yhteissuomalainen sanasto. Helsinki, 1989. (SUST, 2000).

Saarikivi J. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Helsinki, 1992–2000. O. 1–3. (SKST, 556).

Suomalainen paikannimikirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 146. Jyväskylä, 2007.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (SKST, 228).

Е. Н. Полякова

Пермь

Еще раз о гидрониме *Кама**

О гидрониме *Кама* написано большое число работ российских и зарубежных исследователей с различными предположениями о его происхождении [см.: Фасмер, 2, 172; Лыткин, 1971, 256–258; Мурзаев, 1974, 183–184; Молчанова, 1979, 55–62]. Это естественно, так как обширный бассейн реки на протяжении тысячелетий был территорией проживания многих племен и народов, и каждый мог дать ей свое название. Какое-то из них дожило до нашего времени, видимо, претерпев изменения в языках последующих этносов. Появление и судьба именованной реки интересовало и интересует лингвистов, ономастологов, историков, этнографов, географов и представителей других наук. Тем не менее не существует единой, принимаемой всеми гипотезы о появлении и истории этого гидронима, так что обращение к его изучению закономерно.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» и № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность».